

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*А.А. УЛУНЯН***Русская геополитика: внутрь или вовне?**

(Российская научная элита между Западом и Востоком в начале XX века)

К началу XX века в России сформировался особый социальный слой, состоящий из представителей университетской и академической науки. Его характерными чертами были профессионализм и высокая степень социально-политической активности, направленной на реализацию конкретных научных интересов, а также резко выраженная корпоративность. Именно в то время проходил процесс становления российской научной элиты в качественно новом понимании этого термина. Она стала отчетливо осознавать свою "самость" в рамках существовавшей общественно-политической системы и место, занимаемое большинством ее представителей в социальной иерархии соответствующей профессиональной среды.

В то время развитие общества выявило необходимость сочетания естественно-научных знаний с "гуманитарным восприятием" реальностей. Усиление междисциплинарного характера таких взаимосвязей обусловило и ряд особенностей российской ситуации: политически активную часть научной элиты на протяжении 1900-1917 годов составили историки, географы, экономисты, специалисты по статистике, психологи и философы. Несмотря на проявлявшуюся разноректорность политических и идеологических интересов внутри данного слоя, у его представителей доминировали либеральные ценностные установки и государственный подход к большинству внутри- и внешнеполитических проблем России.

Напомню, что конец XIX - начало XX века были отмечены рядом крупных военно-политических конфликтов как регионального, так и более широкого, глобального масштаба. Среди них большая часть была связана в той или иной степени с европейским континентом, так как и географически, и политически в них были задействованы европейские государства. Эти конфронтационные по своему содержанию события лишь усилили поиск концептуальной системной основы возможного алгоритма развития пространственно-политической картины в ближайшей (а иногда и удаленной) перспективе, и прежде всего в европейском регионе. Ситуационный и прогностический характер прежних эсхатологических построений в новых условиях заменялся более конкретным подходом к позициям определенных стран и регионов в наступающем столетии. Борьба за колонии, за влияние на континенте, стремление к территориальному переделу или, наоборот, к сохранению своих владений, т.е. все то, что связано с функционированием сложившихся государственных образований в Европе, начало приобретать новые черты, не похожие на существовавшие ранее формы мировых конфликтов.

В этой связи вполне естественным становился процесс поиска "смыслового ключа" происходящих изменений, способного объяснить с позиций системного подхода механизм мировой политики и территориальных трансформаций. На первый план стали

Улунян Артем Акопович - доктор исторических наук, заведующий отделом Института всеобщей истории РАН

выходить естественно-географические и социально-политические науки. Все сильнее обнаруживалось стремление отдельных представителей академического мира европейских стран определить алгоритм государственного и политического развития, этно-политических и этносоциальных процессов в контексте международных отношений. Особое внимание уделялось соотношению между географическим расположением стран, их этническим составом и общественно-политическим строем, объективными внешнеполитическими устремлениями, а также международным статусом соответствующих государств. Так постепенно складывался научный интерес к формировавшейся и вскоре ставшей дискуссионно известной дисциплине, названной геополитикой.

Главными центрами, где теоретические основы выработки долговременных внешнеполитических доктрин оказались предметом специального рассмотрения, в силу объективных и субъективных условий стали университетско-академические сообщества развитых стран. Активизировался процесс образования "референтных групп", проявивших себя на протяжении XX века в разработке и принятии правящими слоями политических решений. В начале же столетия механизм взаимодействия между учеными-профессионалами и политическими структурами еще только формировался.

Изменяющаяся социально-политическая и территориальная картина мира существенно влияла на пространственно-политические представления (воззрения) интеллектуальных кругов тех из государств, которые особенно сильно испытывали на себе взаимосвязь колониальной и континентальной политики, а также взаимообусловленность величины территориальных владений государства и потребностей его присутствия на международной арене. Основными составляющими нового подхода к перспективам международного (межгосударственного) взаимодействия были базовые смысловые элементы - *территория* и *народ*. На смену статическому описательному методу физической и политической географии приходят попытки объединения этих двух направлений (субдисциплин) с этнологией и историей в целях выяснения комплексных факторов государственно-географических изменений как в прошлом, так и в перспективе.

Главные принципы нового подхода к пространственно-политическим явлениям (хотя и в несистематизированном виде) были изложены еще германским географом и этнографом, профессором Лейпцигского университета Ф. Ратцелем в его работах "Антропогеография" и "Политическая география", изданных в 1882-1897 годах¹. В основу метода была положена установка: "географическое воззрение (рассмотрение внешних условий) и историческое разъяснение (рассмотрение развития) должны... идти рука об руку" [1]. Естественно-природные элементы физической географии "оживали", становясь частью политической системы - государства. При этом определялась прямая зависимость пространственно-географических характеристик государства от культурного (в широком смысле) развития. Одновременно отмечалась прямая связь между его социально-хозяйственной деятельностью и территориальными изменениями, выявлялся алгоритм роста государства. Составляющими этого процесса были *поглощение малых государств, стремление абсорбировать в своих границах всю полноту географического ландшафта (прежде всего - выходы к морям), реки, равнинные районы и природные ресурсы*. В данных условиях граница приобретала значение показателя позитивных или негативных изменений государства как организма [2]. Фактически Ратцелем делались два основных вывода в отношении закономерностей развития государства - "стремление к охвату политически ценных мест" и непрерывность изменения политического пространства [3]. В российской практике прежний, во многом примитивный географический детерминизм впервые уступил место прагматической динамичной "антропогеографии" этнополитической и социальной направленности в 90-х годах XIX века в работе Л. Мечникова, определявшего "историческую ценность той или другой географической среды", несмотря на ее возможную "неизменность в физи-

¹ В России эти работы были переведены в 1900-1906 годах и вышли под названиями "Народоведение" и "Земля и жизнь".

ческом отношении", "степенью способностей (ее. - А.У.) обитателей к добровольному солидарно-кооперативному труду" [4].

Абстрактно-теоретический подход к пространственно-географическому фактору политического развития в начале XX века обрел конкретные прагматические черты. Прежде всего это касалось определения иерархии внешнеполитических интересов европейских государств. Причем подход этот потребовал систематизированного и упорядоченного взгляда на пространственно-географическую среду в историко-политическом контексте.

Системную картину взаимодействия пространства и политики, несмотря на всю трудность этого, попытался представить британский географ Х. Маккиндер в опубликованной им в 1904 году лекции "Географический стержень истории". Главной ее идеей, имевшей конкретное прикладное значение, стала констатация значимости внутреннего пространства (так называемой сердцевины) Евразии - места в Юго-Восточной России и центральной части Азии, севернее Персии и западнее Китая - как основного исторического региона мировой политики. При этом применительно к реалиям начала XX века британский ученый сравнивал стратегическое значение данного района в контексте его важности для так называемой *евразийской массы* с решающим местом Германии для Западной Европы. В соответствии с выдвинутой схемой во "*внутреннем полумесяце*" располагались Германия, Австрия, Турция, Индия, Китай, а "*внешний полумесяц*" включал Великобританию, Южную Африку, Австралию, США, Канаду, Японию [5]. Господство над "стержнем" рассматривалось как фактическое господство в мире, предусматривавшее контроль над морями, а применительно к европейской политике - любой русско-германский союз (учитывая место Германии на континенте) оборачивался поражением для большинства стран.

В то же время уже на этом этапе развития нового подхода к политическим перспективам и реалиям выявилась тесная связь между пространственно-географическими параметрами государства и социальной обстановкой в нем. Глобальное значение последней было интерпретировано британским географом в следующей форме: "Каждый взрыв общественных сил вместо того, чтобы быть рассеянным в окружающей среде неизвестного пространства и варварского хаоса, будет отрезонирован самими дальними частями света и слабые элементы в политическом и экономическом организме мира рассыплются на куски" (цит. по [6]). Столь общее по своему смыслу заключение имело и конкретное практическое измерение. Так, Маккиндер отмечал в гипотетической форме возможность негативного влияния "какой-либо социальной революции" на российские пространственно-политические позиции.

Парадоксально, но факт: за год до появления работы Маккиндера и за два года до революции 1905 года в Российской Империи известный российский психоневролог и нейроспециалист В. Бехтерев фактически приступил к формулированию основ социальной психологии и ее роли в политологии. Феномен "психопатических эпидемий", описанный им достаточно подробно в 1903 году, имел непосредственное значение для понимания стремительного качественного расширения представленных особенностей тех социальных слоев и групп, которые в силу своего положения создавали атмосферу идей, целевых установок и воззрений в средних и высших слоях общества.

Тезис Бехтерева звучал так: "Кроме особых физических условий во всех подобного рода эпидемиях ("психопатических эпидемиях". - А.У.) должна, без сомнения, играть немаловажную роль и психическая почва, характеризующаяся крайним невежеством, неудовлетворенностью духовных потребностей населения, отсутствием нравственных руководящих начал и недостатком умственного развития, граничащим с патологическим слабоумием... Одушевление народных масс в годину тяжелых испытаний и фанатизм, охватывающий народные массы в тот или другой период истории, представляют собою также своего рода технические эпидемии, развивающиеся благодаря внушению словом или иными путями на подготовленной уже почве сознания важности переживаемых событий" [7].

Отличительной особенностью большинства геополитических построений зарубежных специалистов была их направленность вовне национальной территории. Это было порождением существовавших в странах происхождения данных концепций политических и культурно-исторических традиций и обычаев. Большое количество заморских колоний лишь усиливало влияние этих стран, так как объективно было связано со стремлением к сохранению колоний в рамках империй. Естественно, чем пристальней творцы нового подхода - представители академических кругов - всматривались в конкретную реальность, тем острее проявлялась необходимость системного подхода к пространственно-географическим, политически окрашенным реалиям.

В те годы выявились три основных национальных направления геополитики — британское, германское и российское. При этом последнее в отличие от двух предыдущих, рассчитанных на построение глобальных прогностических конструкций, сконцентрировалось на научно-рекомендательном аспекте, а именно - на конкретном, исходящем из геополитической концепции пространства прогнозировании оптимальных параметров государственного строительства России. Серьезное воздействие на этот процесс оказывала разворачивавшаяся в российском обществе борьба различных политических сил по вопросам внутренней и внешней политики [8]. Поэтому в среде отечественной научной элиты, о которой идет речь, большее значение придавалось роли Российской Империи в системе существующих "международных координат" с сильным акцентом на духовные и социальные аспекты ее внутривнутриполитической жизни.

Выдвигавшиеся различными общественно-политическими силами явно нереалистичные мифологизированные и преувеличенно-романтические внешнеполитические концепции (например необходимость захвата Россией Константинополя) стимулировали у прагматически настроенной части научной элиты разработки соответствующих геополитических конструкций и схем. В этой связи рельефней начали определяться основные установки нового пространственно-политического подхода к военному-политическим и социально-политическим явлениям международной и внутригосударственной жизни.

Наибольшая активность российского университетско-академического сообщества, особенно той его части, которая была связана своими профессиональными интересами с гуманитарными (историей, филологией) или близкими к ним науками (географией, социологией, демографией и статистикой), проявилась в период Первой Балканской войны (1912-1913). Не последнее место играли при этом чувства солидарности со славянскими народами полуострова, выступившими за окончательную ликвидацию османского господства на Балканах.

11 октября 1912 года по инициативе известного русского историка, этнолога и социолога М. Ковалевского, а также историка и филолога-слависта П. Лаврова на Санкт-Петербургской квартире первого было образовано неформальное объединение — "Группа прогрессивных общественных деятелей", куда вошли преимущественно представители университетской профессуры с мировым именем: С. Адрианов, Е. Аничков, В. Бехтерев, А. Брянчанинов, А.А. Васильев, А.В. Васильев, В. Вернадский, Н. Державин, Н. Кареев, М. Ковалевский, Н. Кондаков, П. Лавров, А. Луговой, С. Ольденбург, Л. Пантелеев, В. Плетнев, Е. де-Роберти, П. Ровинский, М. Ростовцев, Д. Семиз, Е. Семенов, В. Семенов-Тянь-Шанский, Г. Фальборк, Ф. Фортунатов, М. Чубинский, А. Шахматов, Н. Ястребов, А. Яцимирский, а также несколько членов Государственного Совета и депутатов Государственной Думы из числа близких к основному контингенту собравшихся. Таким образом, впервые в истории России была предпринята попытка создания научной элитой, осознавшей себя самостоятельной общественной силой, объединения в рамках неформальной структуры, ставившей целью "воздействие путем прессы, лекций, собраний и т.п. на мнение прогрессивной части русского общества и на его отношение к развивающимся грозным и кровавым событиям" [9, с. 3].

Концептуальные основы внешнеполитических воззрений оформившейся "референтной группы", выступавшей еще и как группа "общественного давления" на

политические крути страны, были изложены одним из ее членов - Брянчаниновым - достаточно определенно и конкретно в контексте общей темы "Россия между Западом и Востоком": "У всех русских людей, сочувствующих славянам и алчущих достойных проявлений великодержавности России, накопились за эти месяцы и горечь, и досада, и озлобление от действий непонятных, от упорного молчания по адресу русского общества и необыкновенной, скажу, легкомысленной откровенности по отношению не только иностранных, а иногда и заведомо враждебных дипломатов, и даже представителей иностранной печати. Ясно стало, что Европейской Турции наступил конец. Ясно стало, что у тройственного согласия вырос новый грандиозный союзник на месте вероятного противника. Двойной выигрыш, следовательно, для нас... Надлежало только немедленно протянуть руку помощи, включить Балканский союз целиком в нашу систему, этим достигнуть безусловного военного преобладания в Европе и, следовательно, сделаться хозяевами мира и войны. А так как мы, по существу, миролюбивы, то это означало торжество мира над германским милитаризмом"[9, с. 8. 10].

Геополитические планы отечественных антропогеографов, несмотря на общность затрагиваемых ими и их зарубежными коллегами проблем, тем не менее выявили черты своеобразия. Один из интересных и продолжающих оставаться нерешенным вопросов - тема зарубежного влияния на российских предтеч геополитики конкретных представителей германской и британской геополитических школ. Если в первом случае это можно проследить с большой степенью уверенности, то во втором, касающемся британского влияния, остается много вопросов. Достаточно лишь упомянуть тот факт, что работа Маккиндера, широко обсуждавшаяся в научных и политических кругах ряда европейских стран, оказалась вне поля зрения российских антропогеографов. Какие бы объяснения ни проводились в этой связи, можно лишь сказать, что, несмотря на важность выводов британского ученого, затрагивавшего напрямую "российскую тему", представители отечественной научной элиты не усмотрели в них какой-либо практической и даже теоретической пользы [10].

В концептуальном отношении проблема российского могущества представителями отечественной научной элиты рассматривалась в контексте системы координат "Россия и мир". Запад и Восток выступали как пространственно-политические и культурно-исторические категории, использовавшиеся для определения места и роли Российской Империи на континенте. При этом основное внимание уделялось соотношению между территориальным объемом России и оптимальными направлениями ее внешней политики в интересах самосохранения и интенсивного хозяйственно-промышленного развития. История, лингвистика, статистика, политическая и физическая география, психология, этнология и культурология стали основой для широкого круга выводов и обобщений, которые сделали представители российской научной элиты на протяжении первых 17 лет XX века.

Для главных участников дискуссий - таких ученых, как Д. Менделеев, П. Струве, В. Ламанский, П. и В. Семеновы-Тян-Шанские, - главными вопросами были: определение места России на континенте и в мире в целом; поиск формулы развития государственного-территориального организма страны; выявление наиболее подходящего для нее вектора внешнеполитических устремлений как в интересах внутригосударственного развития, так и в целях закрепления своих позиций на международной арене. Все эти вопросы достаточно активно обсуждались и в российских политических кругах, с той лишь разницей, что представители отечественной научной элиты использовали в дискуссиях свои профессиональные навыки. В то же время место и роль научной элиты в российском обществе в первое десятилетие XX века оказались не достаточными, чтобы говорить о ней как об особой референтной группе, способной повлиять на формирование внутренней и внешней политики. Во многом это объяснялось самими ее представителями тем, что "политическая мысль интеллигенции наивна еще в том отношении, что чужда идее политической ответственности". Сознание же "политической ответственности свидетельствует не о беспринципности, а,

наоборот, о чрезвычайно строгом, принципиально-моральном отношении к политической деятельности" [11, с. 8].

Особое значение придавалось сочетанию духовных и общественно-экономических факторов для развития государства. Это отчетливо проявлялось в мировоззрении социально ориентированных леволиберальных кругов российской научной элиты. Ее типичный представитель П. Струве сформулировал в ноябре 1905 года это в достаточно резком виде: "Не страшна нам и реакция бравых и не бравых генералов самодержавия. Страшна прежде всего хозяйственная дезорганизация страны, потому что на этой почве вырастет реакция, застой и падение культуры" [11, с. 1].

Вопрос о пространственно-цивилизационном расположении России был одним из наиболее дискуссионных, так как касался вполне практической и конкретной проблемы - внешнеполитического курса страны. Пространственное и культурологическое место России определялось, в частности, Менделеевым в жестких терминах, свидетельствовавших о том, что оно рассматривалось как элемент *внесистемный*, испытывающий на себе постоянно "эффект сжатия", но в то же время *обязательный* для сохранения континентального цивилизационного баланса: "Страна-то ведь наша особая, стоящая между *молотом* Европы и *наковальней* Азии, долженствующая так или иначе их *помирить* (курсив мой. - А. У.)" [12, с. 3].

В этом контексте замена понятия "Восток" на определение "Азия" не была случайной. Она соответствовала использовавшемуся в российском обществе категориально-понятийному аппарату, в котором последний термин имел геокультурную доминанту и был эквивалентен английскому *Orient*, но не *East*. Аналогичная ситуация складывалась и с использованием определения "Европа", в котором акцентировался не географический, но цивилизационный смысл. Созданная Менделеевым схема систематизировала в представленном отношении взаимосвязь геокультурных континентальных элементов в виде триады "Европа - Россия - Азия". В основе такого подхода лежали складывавшиеся в отечественных интеллектуальных кругах на протяжении долгого времени представленные традиции о месте России на континенте в культурном и геостратегическом отношении.

Дискуссионность данного вопроса усилилась в конце XIX - начале XX века в связи с рядом международных конфликтов, в числе которых были ближневосточный кризис 1894-1897 годов, русско-японская война 1904-1905 годов, боснийский кризис 1908-1909 годов, Балканские 1912-1913 годов и Первая мировая 1914-1918 годов войны. Поэтому вполне естественной в 1916 году оказалась повторная публикация работы российского славяноведа Ламанского "Три мира Азиатско-европейского материка", впервые увидевшей свет в начале 1890-х годов и широко обсуждавшейся представителями научной элиты на протяжении первого десятилетия XX века. Уже в самом названии книги выявилась нехарактерная для того времени хронологическая система координат, когда за начало отсчета бралась Азия, движение от которой шло на Запад, а не наоборот, как это делалось обычно исследователями и в России, и за рубежом.

Систематика и логика концепции Ламанского продолжала оставаться актуальной для представленных геополитических архетипов отечественной научной элиты и в первые предреволюционные годы XX века. Его построения включали "двухблочную" конструкцию, базирующуюся на историко-культурных характеристиках: "1) собственной, или так называемой западной, т.е. романо-германской или католическо-протестантской Европы и 2) собственной Азии, с древними и средневековыми цивилизациями ее исторических племен и народов, и с варварством и полудикостью ее разнообразных племен и народов исторических или полуисторических" [13, с. 3]. На первый взгляд перед нами простая схема традиционалистского вида, тем не менее она была намного сложнее, чем казалось. Система координат в ней включала трехчленную конструкцию, каждый из элементов которой назывался *миром*: "1) собственно Европа; 2) собственно Азия и 3) средний мир, т.е. настоящая Азия" [13, с. 3].

Последний из перечисленных миров представляет особый интерес для понимания ответа на вопрос о месте России в отношении Запада и Востока. Средний мир

Ламанского "обнимал всю русскую империю и в так называемой Азии совершенно почти совпадает с ее политическими границами" [13, с. 9], также "часть прежних польско-литовских земель Пруссии", часть Силезии, Чехию, Моравию, Южную Истрию, часть Каринтии, Крайну, Венгрию, Румынию. Сербию, Черногорию, Герцеговину. Боснию. Болгарию, Европейскую Турцию с Константинополем, приморьем Сирии и Малой Азии с Азиатской Турцией, Кавказ. "Срединный характер" названных территорий обуславливался исключительно с позиций историко-культурных, но пространственная (хорологическая) составляющая определялась, как тогда это называлось, "через призму антропогеографии".

Антропогеография как основа исследовательского метода пространственно-политических реалий в среде российской научной элиты влияет и на представления о месте России в мире. Концепции "среднего мира" в их российской версии и "Средней Европы" в германской интерпретации так или иначе касались "и неевропейской, и неазиатской" с историко-культурологической точки зрения территории. При этом германская концепция "Срединной Европы" как пространства между Германией и Россией была направлена на доказательство справедливости преимущественных интересов в этом регионе первой из них [14]. Среди представителей политических кругов стран региона вызревала идея Центральной Европы как некоего единого "ядра", играющего самостоятельную роль в политической жизни на континенте и в то же время образуемого народами, входившими в Австро-Венгерскую, Российскую и Османскую империи. Британское видение ситуации было изложено, как уже говорилось, Маккиндером и имело в своей основе концепцию "решающего" геополитического центра Европы. Политическое определение в свою очередь было дано лордом Д. Керзоном, отмечавшим, что "в действительности Средиземноморье никогда в цивилизованные времена не было южным рубежом Европы: последним являлись горы Атласа и великая пустыня Сахара" [15].

В то же время единственно и подлинно общим для них был хорологический тезис *срединности*, призванный определить переходный характер некоего геополитического пространства между Западом и Востоком. В своих "Антропогеографических заметках" В. Семенов-Тянь-Шанский писал, что "Индостан представляет *срединный* (курсив мой - А.У.) теплый полуостров, обращенный к югу и прикрытый с севера, как крышкой, высокими нагорьями Гималаев и Тибета. От Индостана к северо-востоку вытянуто желтое (азиатское) ядро человечества, к северо-западу-белое (средиземное) его ядро" [16].

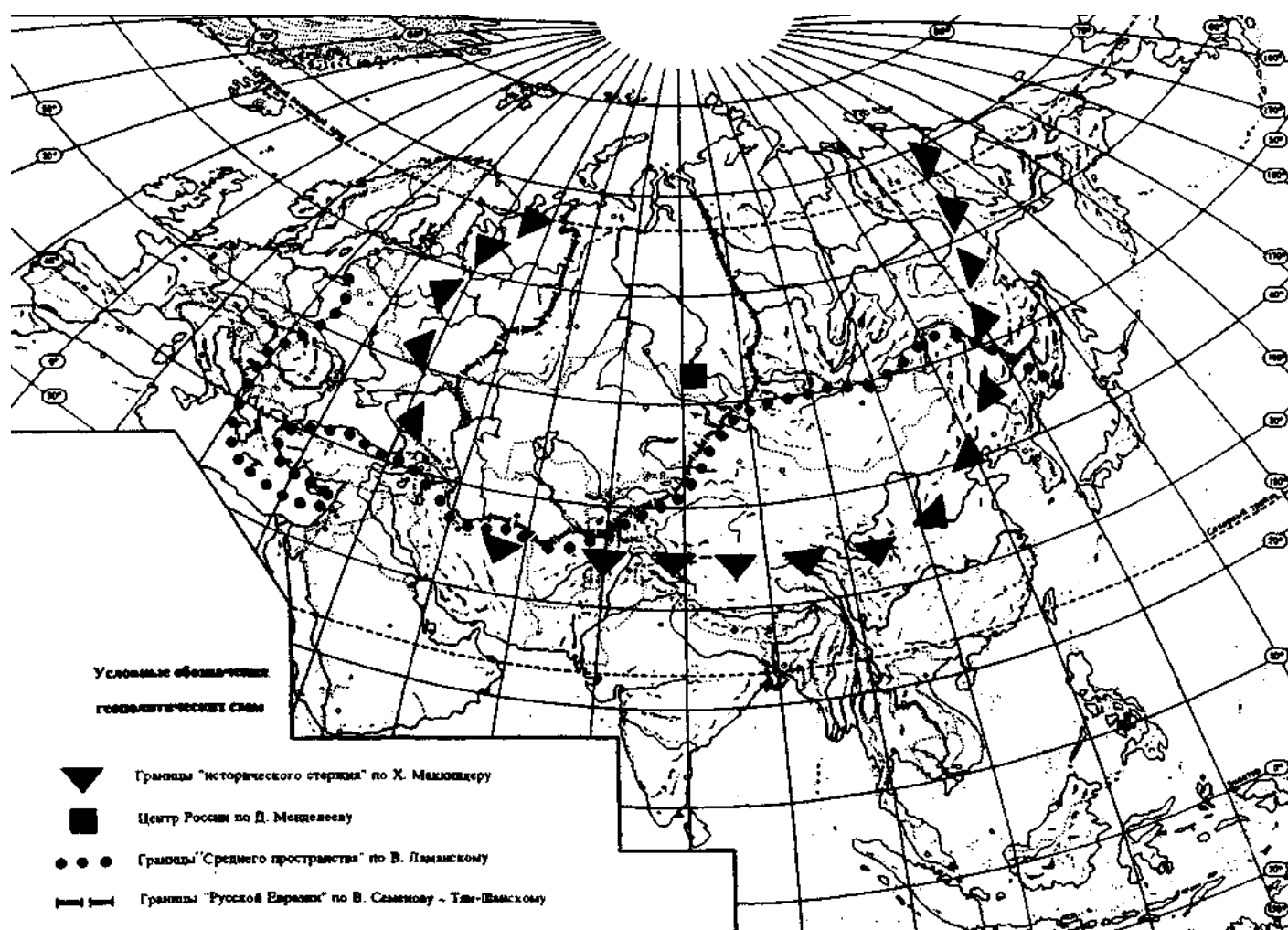
В этой связи особый смысл начинает приобретать проблема поиска так называемого пространственного центра, имеющего ключевое практическое значение для решения как вопросов государственно-территориального строительства, так и внешнеполитических задач. В основу ее решения, по мысли большинства представителей отечественной научной элиты, вошли экономическая целесообразность и "государственные возможности", под которыми понимался широкий спектр исторических, культурологических и социальных факторов. При этом ориентирование в системе координат "Запад-Восток" воспринималось по-разному. Экономическая основа, людские ресурсы в сочетании с историко-культурной составляющей определили позицию Струве: «В перенесении центра тяжести нашей политики в область, недоступную реальному влиянию русской культуры, заключалась первая ложь, *πρώτη ψεύδος* нашей внешней политики, приведшей к Цусиме и Портсмуту... Теперь пора признать, что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область - весь бассейн Черного моря, т.е. все европейские и азиатские страны, "выходящие" к Черному морю... Основой русской внешней политики должно быть, таким образом, экономическое господство в бассейне Черного моря. Из такого господства само собой вытекает политическое и культурное преобладание России на всем так называемом Ближнем Востоке» [11, с. 77-79]. Таким образом, произошел отказ от устоявшейся системы координат "Запад-Восток" и смещение акцента в сторону деверсификации самого понятия "Восток", которое способствовало реанимированию некоего

существовавшего и в России, и в европейских странах "классического" восприятия восточного геокультурного пространства как в первую очередь "Ближнего" и "Среднего" Востока.

Совершенно иной подход к данной проблеме использовали антропогеографы. Концепция "центра" в их построениях приобрела форму поисков универсального стратегического "ключа" для решения проблем государственного существования Российской Империи. И поэтому тезисы, высказанные экономистом Струве, находились в явном противоречии с их идеями. Позиции антропогеографов в российской научной элите были достаточно сильны. Их точка зрения была озвучена практически синхронно с постулатами Струве братом В. Семенова-Тян-Шанского - А. Семеновым весной 1908 года. Место России в Азии и "жизненном центре" объяснялось им в практическом плане: "Главное значение для нас всех наших азиатских владений и прежде всего Сибири заключается в том, что они представляют для нашей колонизации, т.е. для стока избытков возрастающего населения Европейской России почти такую же площадь, какую представляла для всей Западной Европы Америка" [17]. Близки к этим тезисам были и выводы Менделеева, который писал: "Так как расширения, а тем паче сокращения пространства России нельзя ожидать в близком будущем, то центр поверхности России, будем надеяться, сохранится и впредь на долгие времена" [12, с. 131]. Таким "центром поверхности" была условная точка чуть южнее Туруханска. Парадоксально, но факт: в начале XX века, когда Россия переживала серьезные внутрисполитические трудности, а ее позиция на международной арене после неудачной для империи русско-японской войны оставляла желать лучшего, никто, включая и представителей научной элиты, не мог предположить, какие испытания выпадут на долю страны через 10-12 лет.

В законченной (насколько это определение может относиться к развивающейся науке) форме российская версия объединения пространственно-политических и цивилизационно-исторических факторов в контексте проблемы "Россия-Запад-Восток" была изложена В. Семеновым-Тян-Шанским в 1915 году. Эта версия имела практическое значение, что во многом уже обуславливалось начавшейся Первой мировой войной. В соответствии с выдвинутой В. Семеновым-Тян-Шанским концепцией (ее основы закладывались еще до начала мирового военно-политического конфликта), «единственным серьезным средством для успешной борьбы в условиях растянутой государственной территории является неотложное доведение географического центра такой территории по возможности до одинаковой или близкой степени густоты населения и экономического развития с западным коренным концом государства, до возможного выравнивания их. Нам более, чем кому-либо на свете, не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединить ее в одно географическое целое, в противовес выдвигаемой от времени до времени желтой расой доктрине "Азия для Азиатов". Следует выделить, на пространстве между Волгой и Енисеем от Ледовитого океана до самых южных границ государства, особую культурно-экономическую единицу в виде Русской Евразии...» [18]. Категории и концептуальная направленность антропогеографии, как называл В. Семенов-Тян-Шанский геополитику, по мнению ее сторонников в России, были призваны помочь формированию системных представлений о существующем геополитическом пространстве и способствовать в дальнейшем выдвижению различных формул геостратегического переустройства мира уже соответствующими политическими правящими кругами. Особое значение в этой связи приобретали политико-хорологические концепции европейского пространства и его отдельных частей. Отчетливо прослеживалось стремление представителей российской научной элиты найти необходимое для Российской Империи наиболее комфортное место в общей системе геополитического структурирования на континенте, определив наиболее подходящее для страны пространственно-политические и цивилизационные системы.

Разработка "идеальных планов" касалась прежде всего оптимальной геополитической конфигурации России и лишь затем выявления универсальной формулы взаимо-

действия России с другими государствами на пространственно-политическом уровне. Однако стремление российской научной элиты выступать в роли модератора национальных государственных интересов оказалось невозможно реализовать. Главная причина неудачи коренилась в традиционалистской социально-политической структуре Российской Империи и отсутствии объективного восприятия правящими кругами роли новых неформальных, но важных с точки зрения выработки механизмов принятия решения референтных групп в обществе XX века.

Немаловажное значение для минимизации роли и влияния представителей научной элиты на руководящие круги Российской Империи имела высокая степень политизации в целом всего университетско-академического сообщества, не способствовавшая формированию в высших слоях общества представления о нем, как о способном предложить технологию решения многих проблем страны. Более того, на протяжении 17 предреволюционных лет XX века в обществе сформировался стереотип российской интеллигенции как деструктивно-нигилистской силы, которая не способна отстаивать государственные интересы и во внутри- и во внешнеполитической сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ратцель Ф.* Народоведение. СПб., 1902. Т. 1. С. 3.
2. *Strausz-Hupe R.* Geopolitics. The Struggle for Space and Power. New York, 1942. P. 30, 31.
3. *Гейден Г.* Критика немецкой геополитики. М., 1960. С. 102.
4. *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки (Географическая теория прогресса и социального развития). М. 1924. С. 69.
5. *Mackinder H.J.* The Geographical Pivot of History // *Geographical Journal*. 1904. Vol. 23. № 4.
6. *Parker W. H. Mackinder.* Geography as an Aid to Statecraft. Oxford, 1982. P. 149.
7. *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1903. С. 111, 124.
- 125.
8. *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906-1910. М., 1961.
9. Группа прогрессивных общественных деятелей. Интересы на Балканах и правительственное сообщение. СПб., 1913.
10. *Hauner M.* What is Asia to Us? Russia's Heartland Yeasterdy and Today. London. 1992. P. 147.
- 148.
11. *Струве П.* Patriotica. Политика, культура, религия: Сб. статей за пять лет. 1905-1910. СПб., 1911.
12. *Менделеев Д.* К познанию России. СПб., 1907.
13. *Ламанский В.И.* Три мира Азиатско-еuropeйского материка. Пг., 1916.
14. Центральная Европа как исторический регион. М., 1996.
15. *Curzon G.* Frontiers. Oxford, 1907. P. 14.
16. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Географические соображения о расселении человечества в Евразии. Антропогеографическая заметка по поводу книги А.А. Шахматова "Очерк древнейшего периода истории русского языка" Пг., 1916. С. 2.
17. *Семенов-Тянь-Шанский А.* Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке. Доклад, прочитанный в Клубе общественных деятелей 22 марта 1908 г. СПб., 1908. С. 30. 31.
18. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении примени тельно к России. Очерк по политической географии. Пг., 1915. С. 14, 16, 17.